Ю. А. Орлова

ПРОБЛЕМАТИКА, КОМПОЗИЦИОННОЕ СТРОЕНИЕ, ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ПОВЕСТИ М. АЛДАНОВА «МОГИЛА ВОИНА» (1939)

Анализируется повесть М. Алданова «Могила воина» (1939), повествующая о последних годах жизни английского поэта Байрона. Произведение исследуется в аспекте проблематики, композиционной структуры и системы образов. В статье доказывается, что писатель, следуя в русле собственной концепции истории, проецировал личное миропонимание на судьбу исторического персонажа, рассматривал проблемы творчества и творца.

Ключевые слова: проблематика, концепция истории, композиционная структура, образ.

Yu. Orlova

THE CONTENT, COMPOSITE STRUCTURE, IMAGE SYSTEM OF M. ALDANOV'S «THE GRAVE OF WARRIOR» (1939)

This article discusses M. Aldanov's «The Grave of Warrior» (1939) devoted to the story of the last years of the English poet Byron. The story is investigated in terms of content, composition and structure of the system of images. It is argued that the writer, following his own conception of history, projected his personal outlook to the fate of the historical character and considered the problem of the creativity and the creator.

Keywords: content, concept of history, compositional structure, image.

Повесть «Могила воина» о последних годах и днях жизни Дж. Байрона (1788–1824) была опубликована М. А. Алдановым в парижском журнале «Русские записки» в 1939 году. Предметом авторского интереса является жизненная история великого поэта на фоне политической истории Европы первой четверти XIX века. Алданов избрал своим героем идола времени, гения, с которым связана целая эпоха не только в жизни, но и в литературе. Писатель преломляет тему творчества через собственное восприятие, пытаясь найти объяснение, «расшифровать» истинную причину побега Байрона от цивилизации.

Покинувший Россию в 1919 году, Алданов, как и другие писатели-эмигранты, пытается разобраться в вечных вопросах человеческого (личностного) существования. Имеет ли индивидуум (творец или обыватель) и его творческие устремления ценность (самоценность) в момент исторических потрясений? Останется ли человек в памяти людской и, если — да, будет ли он понят грядущими поколениями? Служит ли творческий кризис моментом переосмысления ценностей жизни? Или к духовному перерождению приводит не творчество, а неудачи и драматизм обыденной жизни?

Для Алданова существовал и личностный вопрос: будут ли его писательский труд, его жизнь и судьба (а, возможно, и смерть на чужбине) оценены как служение родине, ее культуре и истории? Или современники и потомки воспримут его побег из России как трусость и сохранят

в памяти и сознании привкус конформизма, предательства от свершенных им поступков?

Немаловажно и то, что, сохраняя представление о цикличности и повторяемости событий истории, писатель задумывался над судьбами героев своих произведений и одновременно над историческими судьбами государств предвоенной Европы, вступающей на путь новых военно-политических конфликтов. В анализируемой повести исторические события прошлого вновь служили поводом к глубокому осмыслению и постижению событий, современных писателю.

Название — «Могила воина» — символично и заключает в себе основные идейные нити повествования Алданова. Абсолютная и едва ли не единственная ценность последних лет жизни для Алданова (как и для его героя) — смерть, точнее, готовность к смерти, приятие смерти, ее формы и значения. Показательно, что мотив смерти угадывается уже в названии исследуемой повести, — слово «могила» прямо (и ассоциативно) связано с представлением о смерти. Мотив смерти организует две параллельные сюжетные линии повести — нравственное умирание шпиона-соглядатая (героя без имени) и подготовку к достойной встрече со смертью воина и поэта Байрона.

Повесть Алданова состоит из 24 глав, которые охватывают период с 1820 по 1824 год. Время действия в контексте «большой» истории четко определено — 20-е годы XIX века, мир «после Наполеона». Конфликт двух миров — Запада и Востока — лишь отчасти организует сюжет повествования. Алданов не рассматривает его с идеологической точки зрения, политика в повести — лишь декорация для человеческого театра. Объединение европейских стран-лидеров, в том числе России, против ближневосточной угрозы в начале XIX века совпало с общемировым кризисом в культуре и в искусстве, который для писателя Алданова был не менее значителен и драматичен.

Политический конфликт — попытка объединения европейских государств, борьба Греции против турецкого владычества — при всей его значимости в структуре повести практически снимается благодаря введению последовательно развивающегося конфликта человеческого. Секретный агент политической разведки в течение пяти лет тайно наблюдает за «полусумасшедшим» английским поэтом лордом Байроном, следуя за ним по миру во исполнение долга службы. Алданов демонстрирует, как в восприятии шпиона, словно в кривом зеркале, двоится и искажается образ великого англичанина, а благодаря его секретным донесениям в обществе происходит формирование слухов о безумии великого лорда. Однако в тексте повести Алданов показывает, как к шпиону постепенно приходит понимание величия поступков гениального творца и осознание бессмысленности его собственной миссии — и жизни.

Привычное для Алданова противостояние разных типов героев — делателей и зрителей — хотя событийно и скрыто, но наряду с другими конфликтами (политическим, социальным, нравственным) контрастно организует сюжетный ход повести. Сюжетная динамика произведения находит свое отражение в «монтажной», нелинейной композиции. Сюжет о жизни великого английского поэта, некоторое время жившего в Италии и погибшего в Греции, состоит из нескольких подсюжетов, которые можно условно разделить по пространственному признаку и схематически обозначить как «Италия», «Англия» и «Греция». Образы этих стран в повести являют собой средоточия исторических преобразований. Первые — в центре принятия

судьбоносных для Европы политических решений, последняя — в жерле противостояния Востока и Запада, в состоянии войны. Их разность подчеркнута с помощью пространственных и предметных характеристик, которые отчетливо акцентированы и явно противопоставлены. Главные среди них: большой ↔ малый, светлый ↔ темный, тихий ↔ громкий, обособленный ↔ открытый. Последняя антитеза характеризует не только внешний мир, но и внутреннее состояние главного персонажа — «байронического героя» в Италии и Англии и «истинного воина» в Греции. Байроновский конфликт с самим собой ведет героя к поиску могилы воина — героического финала, достойного яркой личности.

Сюжет путешествия (побега) главного героя разворачивается как в пространстве собственно географическом, так и в пространстве духа, где героем и осуществляется философское осмысление смерти. В поисках истины и смысла поэт покидает родную страну, в которой его гнетут пресыщенность и бессмысленность существования. Истина жизни для него лежит вне пределов привычного обыденного мира. Ее следует отыскать. Этапом ее обретения становится для героя отъезд в Грецию для участия в освободительной войне. Наивысшей наградой самому себе персонажем объявлена героическая смерть в этой чужой герою стране.

Проблематика повести подчинена вопросу главного жизненного выбора: «покорное ожидание смерти» или «жертвенный финал героя-воина»? В повести проявляется один из основополагающих тезисов историко-философской концепции Алданова: пониманию жизни как экзистенциальной сущности (по сути, неудачи) здесь противостоит признание возможности самоопределения героя в культуре и/или в общественной жизни. По Алданову, сам герой способен избрать путь, по которому он пойдет и тем самым оставит (или не оставит) след в истории. И для героя Алданова важно, каким будет этот след, какой будет вся жизнь воина — от ее истоков и до самого конца.

В пространстве историософской повести Алданова представлена система персонажей, которую (как и в прежних повестях) составляют различные действующие лица — исторические и вымышленные.

К историческим персонажам относятся «великий английский писатель и государственный деятель, член палаты пэров, лорд Байрон» [1, с. 214]; лорд Лондондерри виконт Кэстльри; герцог Веллингтон; русский царь-император Александр I. Вымышленными представлены образы масонов-карбонариев, военных, сулиотов (греческое воинственное племя), политиков, маркитанток, тайных агентов, обывателей (итальянцев, греков).

Герои вымышленные и реальные живут у Алданова как бы независимой друг от друга жизнью, почти не пересекаясь, но, будучи современниками изображаемых событий, собственно истории, оказываются ее «делателями» или «зрителями». В повести «Могила воина» деятелями являются как исторические, так и выдуманные персонажи. Кэстльри, Веллингтон, лорд Байрон активны в политике, в военном деле или в искусстве. Майор-артиллерист Парри упорно пытается заставить летать нелетающие ракеты Конгрева. Выдуманный шпион-энтузиаст, бывший мастер-месяц свободных угольщиков, изгнанный из масонской ложи, энергичен в достижении собственных меркантильных целей.

Исторические персонажи необходимы автору как носители определенной идеи, они во многом наделены символическим отсветом. Например, исторически сложившиеся представления о гениальном

английском поэте эпохи романтизма важны и существенны для писателя в главном: великий человек велик во всем — в своей гениальности и в своем безумии. Его присутствие освещает (освящает) окружение. Потому выдуманный герой — тайный агент, приставленный к Байрону для слежки, — во многом перенимает черты своего «объекта» и, в конечном итоге, обретает чувство преклонения перед ним, подпадая под гипнотическую мощь гениального дара.

Скрытый конфликт двух идеологий (двух способов жизни) персонифицирован в образах двух героев — поэта Байрона и наблюдающего за ним тайного агента, которые полярно разнесены автором, но, несмотря на конфликт их личностных установок, во многом схожи. Писателю важна трактовка как противопоставленности, так и сопоставленности — двойничества — образов Байрона и шпиона. Автор обнаруживает двойничество многоуровневое: раздвоение главного героя (Байрона), обладающего всеми чертами высокоразвитой личности, и выявление сначала внешней, затем и глубинной похожести (раздвоенности) между гением и «злодеем» (шпионом). Байрон, олицетворяющий прогресс и творчество, и обезличенный шпион (мастер-месяц) по мере развития действия обнаруживают в своих образах нечто общее — и в итоге оба, оказавшись в эпицентре локальной войны, становятся уже не антиподами, а тождествами, союзниками.

Алданов художественно воссоздает образ Байрона в переломный момент жизни героя. Он показывает его в поворотный момент истории и в особый этап в развитии литературы — в начале XIX века на фоне исторических катастроф и революций, когда происходит преобразование романтического искусства и мировидения в реалистическое, типологически жизнеподобное [3, с. 5–24]. Собственная жизнь в изображаемых Алдановым условиях становится для великого лорда игрой, театром, парадным фасадом, за которым мечется болезненное сознание, вынужденное подчиняться правилам внешней игры. Писатель Алданов, всегда заботившийся о внешней, «приличной» стороне собственной жизни в эмиграции, в данном тексте обнаруживает сомнение в отношении своего «не-настоящего» бытия, своего искусно и искусственно поддерживаемого положения «последнего джентльмена русской эмиграции».

«Не состоит ли истинная мудрость в том, чтобы поддерживать показную сторону жизни?» [1, с. 311]. По Алданову, в памяти современников сохранится то, что им позволено будет увидеть, поэтому каждый великий (и невеликий) человек должен (обязан) до конца жизни соответствовать рисунку своей роли. Поэт рассуждает о невозможности установления истины в бытийных вопросах: «О вере, по-моему, не должны говорить ни верующие, ни неверующие люди. Об искусстве же мои суждения меняются каждый день. <…> Надо делать дело? А если ни в какое дело не веришь, что тогда? <…> Тогда надо жить со дня на день. Или, когда станет уж очень гадко, надо найти свою могилу, королевскую, — произнес он, помолчав» [1, с. 247].

Свою королевскую могилу, «могилу воина», смертельно больной поэт отправляется искать в Грецию. Там, в деревне Миссолонги, он собирает себе небольшое войско, чтобы воевать против турецких завоевателей. Поэт явно намеревается сотворить, написать свою смерть, смерть великого Байрона. Привычка быть Байроном, играть роль стала частью его натуры. В Миссолонги «он писал много писем и сам себе удивлялся: приехал сюда умирать и беспокоится о том, что скажут в

Лондоне члены Комитета, дамы, журналисты. <…> всё не мог вытравить из себя писателя, даже хуже, — литератора» [1, с. 311].

Примечательно, что автор разделяет понятия «писатель» и «литератор», снижая семантику последнего. Сам Алданов в эмиграции вынужден был зарабатывать литературным трудом, но, по его собственному признанию, если бы было возможно, отказался бы от такого заработка. Здесь, в повести «Могила воина», реальные мысли писателя находят свое отражение. Алданов стремится заявить идею зависимости художника от общества.

Мотивы безумия, театральной ложной жизни обретают в повести Алданова и еще одну сторону. В пространстве повести писатель затрагивает проблему ответственности перед жизнью и людьми (на примере образов лорда Лондондерри и Байрона). Заботящийся о судьбе Англии лорд Лондондерри и обеспокоенный трагедией маленькой Греции поэт (и тоже лорд) Байрон — оба сходят с ума, не в силах осуществить свое предназначение, не в силах нести долее груз ответственности за людские судьбы. Но если Лондондерри тихо сошел с ума и покончил с собой в добропорядочной Англии, другой безумец, великий певец свободы Байрон, предчувствуя свою скорую смерть, устремился в охваченную войной Грецию, чтобы участвовать в борьбе свободолюбивого народа. Смерть напоказ, на виду у всего мира — для него есть способ найти «королевскую могилу».

Художественные принципы Алданова неизменны: желание быть беспристрастным, объективным, стремление видеть в отдельном человеке общее и специфическое пронизывают всю его повесть. Безумное начало в человеческой душе привлекает самое большое внимание Алданова. Показывая фальшивость «демонических» характеристик, которыми обыватели награждают Байрона-человека, писатель подчеркивает истинно дьявольскую природу в Байроне-творце.

Сумасшествие — это алдановская метафора творчества и гениальности, сумасшествие для него есть синоним таланта, избранности, исключительности. Не-отмирность Байрона проявляется в его неординарных поступках. Смерть — да, но не самоубийство, самосожжение во имя идеи. Это и впрямь сумасбродство — смерть не за свой народ, а за чужой, иной, другой, «экзотический». Но это дух гения, это порыв, это дьявольская игра с жизнью. И это литература — сочинение сценария своей смерти. И все вместе — это нереальность, творческий «вымысел», безумие.

Реалист Алданов художественными средствами попытался показать ограниченность примитивного (обывательского) разума в раскрытии проблем гениального человека и его зависимости от своих творений: «…он <Байрон> подумал, что, вечно создавая невозможные, неправдоподобные человеческие образы, сам стал всерьез немного на них походить» [1, с. 211]. Пылкая натура гениального поэта более не захвачена «ранними» устремлениями — тягой к женщинам и к успеху; осталась только страсть к смерти, которая приведет к оправданию собственной жизни (и старости) и, может быть, послужит тому, чтобы остаться в памяти людей. С сумасшедшей силой поэта влечет его последняя творческая идея — найти для себя могилу воина.

Любопытно, что рассуждения Байрона сегодняшнего об отказе от Байрона прежнего, по сути дела, оказываются столь же «ранними» и романтическими, как и творения поэта. С одной стороны, доказывая себе, что он хочет уйти от романтической «позы» и поведения, на самом деле Байрон

продолжает оставаться романтиком — он ищет романтической смерти. Алданов как будто показывает перерождение и преодоление Байроном самого себя, но, с другой стороны, тем самым писатель обнаруживает цельность натуры гения: он верен себе, хотя мотивировка нынешних поступков изменилась. Для Байрона важно не только то, какому делу он отдаст себя (для гения этим делом всегда будет дело великое — поэзия или свобода), но важно то, как он это сделает. По сути, желание умереть воином и становится воплощением самого романтического помысла поэта — остаться верным себе до конца.

Очевидно, что посредством образа Байрона, литератора и творца, автор вновь выстраивал параллель к собственной жизни и размышлял в том числе и о своей судьбе. Как любой человек, писатель пытался провидеть собственное будущее: забудут ли его последующие поколения, удастся ли хотя бы литературным творчеством оставить о себе память?

Таким образом, в повести «Могила воина» Алданов обращается к тому историческому отрезку времени (1820-е годы), когда перед Европой открывалась последняя возможность мирного развития европейской и общемировой истории. И этот важный временной отрезок становится условием (фоном) для выявления не только внешних, но и внутренних обстоятельств жизни Европы (и человека). Человеческие судьбы исторических и вымышленных персонажей становятся материалом для повести, которая, перерастая рамки этого жанра, становится творческим историческим документом.

Традиционная для произведений Алданова ситуация столкновения-спора двух истин всегда ведет к открытию третьей. Ключом к итоговому авторскому суждению становится предметная деталь — ракета Конгрева, которая никогда не могла бы и не должна была поразить неприятеля, бывшая только морально устрашающим оружием, в последней главке все-таки выстрелила в сторону противника. Этим обстоятельством автор разрушает безнадежное впечатление от последних глав (смерть поэта) и дает надежду на благополучное разрешение общемировой ситуации. Эпизод запуска ракеты не просто вписан в повествование, но подспудно оспоривает авторское скептическое убеждение о бессмысленности существования. Запуск ракеты Конгрева становится знаком того, что пока в мире существуют чудаки-энтузиасты, нелетающие ракеты будут взлетать и поражать вражеские цели, невидимые в тумане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алданов М. А.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1991.
2. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста. М.: Наука, 2007. 520 с.
3. Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века / Сост. И. С. Ковалева; Вступ. ст. Ю. В. Ковалев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 5–24.

REFERENCES

1. *Aldanov M. A.* Sobr. soch.: V 6 t. M.: Pravda, 1991.
2. *Bolotnova N. S.* Filologicheskij analiz teksta. M.: Nauka, 2007. 520 s.
3. Iskusstvo i hudozhnik v zarubezhnoj novelle XIX veka / Sost. I. S. Kovaleva; Vstup. st. Ju. V. Kovalev. L.: Izd-vo LGU, 1985. S. 5–24.